

А. И. Коваль

САМЫЕ АФРИКАНСКИЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ СЕКТОРА АФРИКАНСКИХ ЯЗЫКОВ

(Справка на память — Виктору Алексеевичу, который был и остается теоретическим и нравственным ориентиром для наших африканистов)

Свобода, предоставляемая самим жанром и форматом фештшрифта, послужила поддержкой решимости автора оформить свои воспоминания в сухом стиле исторической *справки* — тем более, что некогда Виктор Алексеевич сам просил написать о том ярком периоде, когда наш африканский сектор был буквально наводнен молодыми людьми из Африки. Жанр чуть ли не официальной *справки*, пусть и мало используемый в научной прозе, позволит в самом скупом и сжатом виде обозначить ту обстановку и имена людей, которые деятельно разделяли наш азарт в изучении африканских языков, — и тем самым уберечь эти имена (и стоящие за именами человеческие образы) от их растворения в мутнеющей дали прошлого. В главном фокусе *справки* будут те годы, когда при секторе африканских языков Института языкознания активно действовало Научное Объединение Аспирантов и Стажеров (в аббревиатуре — НОАС: африканцы почему-то очень любят аббревиатуры).

Наша история распорядилась так, что лишь очень немногие из российских африканистов смогли побывать в далекой Африке в годы их студенчества. В шестидесятые и семидесятые годы (как и позднее) надежда на возможность экспедиционных поездок в «поле», в страны бытования изучаемых языков, оставалась иллюзорной, и это вынуждало африканистов искать доступных способов организации «полевой работы». Чтобы восполнить недостаток оригинального языкового материала, мы разыскивали в Москве исконных носителей африканских языков и привлекали их к исследовательской работе как поставщиков языковых данных. Поначалу это были в основном энтузиасты из числа студентов, учившихся в самых разных вузах. Здесь были и историк, обучавшийся археологии, и будущий специалист по производству цемента, и агроном, специализировавшийся в выращивании подсолнечника, и ветеринар, изучавший стойловое содержание скота. В иных случаях дело ограничивалось несколькими рабочими встречами-консультациями; но среди аф-

риканцев-помощников встречались и такие, которые заражались от лингвистов страстью к работе над их родными языками и продолжали посещать сектор месяцы и даже годы, постепенно становясь неформальными членами коллектива. Благодаря преданности, таланту и долготерпению этих людей нашим африканистам удавалось активно включаться в мировой процесс по изучению крупнейших языков, а также и осуществлять описание целого ряда языков «малых», в том числе ранее не описанных или вообще науке не известных.

Демба Джа — ветеринар и блестящий стихийный фонетист

Ситуация отчасти изменилась с начала семидесятых годов, когда на нашем горизонте появились африканцы-аспиранты, уже профессионально нацеленные на языкознание и научное описание языков Африки. Совпадение встречных интересов — и со стороны исследователей сектора, и со стороны аспирантов-филологов — превращало тех и других в соучастников общего дела и, конечно, способствовало большей интенсивности и систематичности работы. Первая группа аспирантов и завсегдаев сектора, прибывших из Республики Мали, состояла из таких ярких личностей, как Адама Уан (его диссертация о морфонологии фульфульде была защищена в 1976 году), Брейма Думбия (диссертация о языке гриотского эпоса бамана, 1976), Мария-Селешта Перейра Ал-Бакай Кунта и Шейк Пляя Абдул Гадри Кулибали (диссертации по социолингвистическим проблемам Мали). Обучение африканских лингвистов в аспирантуре Института языкознания постепенно перехо-

Адама Уан —
первый африканский аспирант
Виктора Алексеевича

дило в устойчивую традицию, ширился круг стран и языков. Так, в 1983 году состоялись защиты диссертаций двух малийцев — Буреймы Нялибули (о морфосинтаксисе глагола фульфульде) и Дембы Конаре (о структуре глагола бамана), а в 1984 —85 годах были защищены две работы по проблематике именных классов — в языках волоф (диссертант Ндьяссе Чам из Сенегала) и аква (диссертант Эжен-Андре Оссете из Конго), а также диссертация Абу Диарра (из Мали) по фонетике бамана.

Занятия сотрудников сектора с африканскими аспирантами строились, разумеется, на принципах взаимообогащения и взаимопомощи. Многие из начинающих исследователей отличались, помимо знания родных языков, хорошим языковым чутьем, филологической одаренностью, глубоким владением своей этнической культурой, и постоянное общение с ними открывало более широкие возможности для исследовательской и собирательской работы наших африканистов. В то же время слабым местом у большинства аспирантов были и недостаточность общетеоретической подготовки, и отсутствие опыта в научном оперировании языковыми данными. По сути, речь здесь шла о перепрофилировании филологов с различным объемом подготовки в лингвистов-африканистов, что требовало от руководителей и старших коллег кропотливой и долговременной индивидуальной работы. Помимо собственно аспирантов Института, в профессиональных консультациях африканистов нуждались еще многие филологи-африканцы, которые обучались или стажировались в различных образовательных центрах и которые имели личный стимул к научному постижению родных языков. Поступательный рост числа начинающих африканских лингвистов, обращавшихся к нам за поддержкой и к середине 80-х годов буквально заполонивших сектор, естественно подтолкнул к идее создания какого-то единого органа, который позволил бы объединить усилия по повышению их научно-лингвистической квалификации.

Так возникло при секторе африканских языков Научное Объединение Аспирантов и Стажеров, постоянно действовавшее в течение нескольких лет и собравшее в своих рядах десятки молодых лингвистов из стран Африки. Комитет, руководивший работой НОАС, состоял из четырех членов. Научным консультантом Объединения был Виктор Алексеевич Виноградов; место ученого секретаря занимал Владимир Александрович Плунгян; в роли координатора выступал пишущий эти строки. Четвертая позиция — старосты

Объединения — была сменной, ее поочередно занимали два малийца, выделявшиеся своей пытливостью, обязательностью и хорошим уровнем научной подготовленности, — сначала догон Иссиака Тембине, затем сонгай Юсуф Хайдара. Программа (поддержанная, отметим, руководством сектора и дирекцией Института) предполагала деятельность НОАС в трех основных направлениях — во-первых, теоретические лекции ведущих специалистов, освещающие фундаментальную проблематику разных отраслей языкознания; во-вторых, доклады ученых-африканистов об актуально проводимых исследованиях; и в-третьих — творческие сообщения самих участников Объединения об их собственных разработках.

Что касается состава участников НОАС, то его ядро, разумеется, составляли аспиранты и стажеры сектора африканских языков, поименно:

(уже упомянутые) Иссиака Тембине и Юсуф Хайдара, а также Бори Али Траоре, Кодию Кунгарма, Диелимакан Диабате, Адама Конате, Джибрил Диаките, Гуро Хамсамба Диалл, Киндье Йалкуе, Мунтага Диарра, Бурейма Нялибули Дикко, Абу Диарра (все из Мали);

Жан-Батист К. В. Мауена Аджранку-Глокпо (Того);

Мамади Диане, Мори-Саиду Фофана (Гвинея);

Ситохэл Шешкумар (Маврикий).

Но в конференц-зал Института языкознания, где проходили заседания Объединения, стекалось еще много и «ноасовцев-добровольцев» — аспирантов и стажеров из других вузов (Институт русского языка им. Пушкина, УДН, МГПИИЯ, МГУ и др.). По численности здесь также доминировали выходцы из *Мали* — этой полиэтничной страны, с которой у сектора африканских языков традиционно сложились особо тесные отношения: Бокар Со, Самба Траоре, Сиака Куяте, Хамма Диалл, Мариам Конне Кулибали, Муса Си, Мохаммед Сисе, Ламин Дембеле, Юсуф Майга, Бейсо Пудиугу, Муса Джаби, Салиф Берте, Вахаб Туре, Бейдари Траоре, Рокиату Тера, Ба Диаките, Боли Траоре, Алджюма Того, Мохамед Конне и другие. Имели своих представителей и другие страны Африки: *Сенегал* — Усман Эль-Хаджи Ка, Салиу Диенг, Черно Демба Нжай; *Того* — Оноре-Кофи Оньюаме Агбоджо; *Чад* — Нахам Куло, *Мавритания* — Абдулай Йеро Ба; *Тунис* — Мохамед Шамах; *Конго* — Фердинанд Нанителамио и другие. Некоторые африканцы-филологи, тяготевшие к африканистике, приезжали к нам даже из других городов России (особенно из Воронежа, а также из Киева, Одессы, Ленинграда, Пятигорска, Иванова и др.).

Лекционная часть программы, учитывая тематическое разнообразие исследовательских интересов слушателей, была сориентирована на широкую проблематику, затрагивающую и разные уровни языковой структуры (фонетика, грамматика, лексика), и различные отрасли лингвистики (типология, теория и описательный метод, социолингвистика, психолингвистика, лекси-

кография, компаративистика, диалектология). Для чтения лекций и последующих консультаций комитет приглашал авторитетнейших специалистов как из институтской среды, так и извне; слово благодарности им всем за их бескорыстную отзывчивость. Заметный вклад внесли Александр Маркович Шахнарович и Виктор Яковлевич Порхомовский, обеспечившие целые циклы занятий по темам «Основные принципы психолингвистического анализа» (Шахнарович) и «Сравнительно-историческая методика и генетическая классификация африканских языков» (Порхомовский). Африканские участники Объединения были слушателями таких выдающихся лекторов, как Сандро Васильевич Кодзасов (лекции по теме «Сегментная и супraseгментная фонология»), Александр Евгеньевич Кибрик («Форма и значение в грамматическом описании»), Леонид Петрович Крысин («Основные проблемы социоллингвистического анализа»), Марк Владимирович Дьячков («Креольские языки и их социальный статус»), Владимир Александрович Плунгян («Проблемы современной морфологии и африканские языки»).

Доклады с более конкретной проблематикой были по преимуществу связаны с данными африканских языков и отражали новейшие результаты африканистики. Назовем здесь сообщения Миры Борисовны Бергельсон о частях речи в бамана, Валентина Феодосиевича Выдрина (Ленинград) о принципах создания словаря младописьменного языка, Валерия Петровича Хабирова (Свердловск) о языках ЦАР, Валерия Яковлевича Шикина (Донецк) о языковых контактах в Сенегале, Нины Кисиной о грамматическом строе сонгай, Уты Хорн (ГДР) о фразеологии хауса. Данная форма работы эффективно помогала поддерживать профессиональные связи сектора с другими центрами России и зарубежья: было возведено в традицию предлагать всем научным гостям сектора выступление на заседании НОАС. Отдельное внимание уделялось проблеме сколаризации родных языков — этой наболевшей теме африканской интеллигенции; наша аудитория живейшим образом реагировала на доклады с подобной тематикой, в том числе — Абу Диарра (Бамако) «Актуальные проблемы сколаризации национальных языков в Мали», И. Ю. Лаусаускас (Вильнюс) «О месте национальных языков в образовательной системе», Гарун Халилович Ибрагимов (Махачкала) «Этноязыковая ситуация и процессы обучения в Дагестане».

В свою очередь, трибуну получали и сами участники НОАС. Их сообщения представляли собой своего рода самоотчет перед коллегами, поскольку тематика сообщений по преимуществу определялась диссертационным исследованием каждого из выступающих. Однако была принята установка строить изложение в ракурсе, методологически благоприятном для приложения излагаемых наблюдений и результатов к данным других языков. Это рождало обширные дискуссии, особенно при обсуждении тем грамматических

(в частности, в связи с сообщениями Иссиаки Тембине о выделении частей речи в догон, Кофи Оньюаме Агбоджо о глаголах бытия и обладания в эве), диалектологических (сообщения Кодию Кунгарма об изоглоссах ареала догон, Адама Конате о фонетике диалектов бамана), социолингвистических (доклад Ж.-Б. Мауена Аджранку-Глокпо о проблеме языковых контактов в Африке).

Дебаты вообще поощрялись на заседаниях Объединения, где царил дух непосредственности и общей активной заинтересованности. Случалось даже, что возникшая дискуссия по своей насыщенности и значимости была соизмерима с центральным сообщением. А проведенная под руководством М. В. Дьячкова встреча «за круглым столом» на тему «Полилингвизм Мали: функции языков» вообще переросла в мини-конференцию с большим числом выступавших. Для африканистов, присутствовавших на заседаниях, особую важность составляло то, что языковые факты обсуждались с живым участием носителей столь труднодоступных языков Африки, — как языков крупных, с сильным диалектным дроблением, так и малых, включая науке малоизвестные. В их числе:

бамана, манинка, сусу и другие языки манде;

группа пулар-фульфульде, волоф и другие западноатлантические языки;

группа догон;

диалекты сонгай;

аква, лингала, суахили и другие языки банту;

эве, гэн-мина и другие языки ква.

В начале девяностых годов, когда поток зарубежных учащихся резко пошел на убыль, Научное Объединение Аспирантов и Стажеров прекратило свою деятельность — деятельность, составившую яркую страницу в жизни сектора африканских языков и оказавшую, можно полагать, благотворное влияние на профессиональные биографии ее участников. Все наши аспиранты и многие из «носовцев» написали и защитили лингвистические диссертации, большая часть бывших участников Объединения трудится на родине в различных областях, связанных с приложениями языкознания (чтение теоретических и практических курсов, методика преподавания родных и иностранных языков, создание учебников, сбор фольклорных текстов, перевод, организация науки и образования).

Если же встать на позицию более широкой оценки, то нужно еще раз подчеркнуть обоюдозначимый эффект нашего многолетнего взаимодействия. Мы, лингвисты, учили наших африканских учеников теории и научным методикам, и в то же время сами были в известном смысле их учениками: доверяя им как носителям языка функцию верификации наших умозаключений, мы ориентировались на их контроль и их критику. Недаром при публикациях африканских фольклорных текстов (с нашими переводами и комментариями) в титуле часто обозначается и имя африканского соавтора, от которого эти тексты были записаны. Не менее — а может быть, и более — значимо то, что наши африкан-

ские коллеги не просто снабжали нас языковыми фактами, не только обеспечивали достоверность этих фактов — они также служили живыми проводниками своей этнической культуры, открывали для нас и образ мыслей, и образ жизни своего народа, знакомили с самым духом своего языка и культуры.

В связи с последним моментом ощущается потребность отказаться от строгого тона изложенной исторической справки, разбавив ее сухость несколькими более легкими и живописными воспоминаниями.

Некоторые рассказы африканских друзей, при всей нашей общей осведомленности, производили очень свежее впечатление и все еще не стерлись в памяти членов сектора.

Так, мы слушали с раскрытыми ртами рассказ нашего аспиранта, рослого интеллектуала, о том, как он на родине был переведен на другое место работы и как он ехал туда, прихватив с собою ... стадо своих баранов. Как он вез этих баранов на судне по Нигеру из Гао (!) в Томбукту (!) и как он — преподаватель (русского языка), — прибыв на место, в порядке начального благоустройства временно содержал баранов в своей спальне ...

Другой аспирант, выходец из скотоводческого этноса, обратил на себя наше удивленное внимание тем, что он был до странности хорошо осведомлен о мельчайших подробностях номадно-пастушеской жизни, знал бесчисленное множество терминов для мастей коров, телячьих привязей, разного рода веревок и подошников... «Как Вы могли все это так детально изучить и освоить? Ведь Вы же жили в столице, учились в институте?» А он: *«Мы с отцом провели годовое кочевье, гоняли стадо на юг, в соседнюю страну»* — «?! Но как? Ведь Вы же учились!» — *«Это было в тот год, когда студенты бастовали и учебы не было»*...

По-видимому, это был тот самый год студенческих волнений, который стал известен прочему миру по героико-мистическому фильму «Ветер» Сулеймана Сисе (именно этим фильмом не так давно потчевал африканистов Киночай клуба «Арт'Эриа», что в ЦДРИ).

В середине аспирантского срока африканцы получали каникулярный отпуск и ездили на родину. Как-то один из них возвратился из побывки домой. Мы окружили его, засыпали вопросами: «Как съездил? Как дома? Доволен ли поездкой?» — *«Да, — ответил он нам, — я очень доволен. Я смог купить для своей семьи три мешка проса, и теперь я совсем, совсем спокоен»*.

Африканцам, впервые приехавшим в Москву, грозили, разумеется, самые разные шоки, начиная от невиданного климата и неведомой пищи. Особой красочностью отличались их рассказы о первом опыте хождения по льду на асфальте — с неизменным (нежданным!) эффектом отсутствия трения. Но те, кто уже имел за плечами шестилетнюю студенческую жизнь в России, являли порой удивительно высокий уровень разносторонней культурной адап-

Жан-Батист и Коджо

тации. Так, один из таких (бывалый настолько, что знал наизусть многие куски из пушкинского «Онегина») приободрил внове прибывших эмоциональным заявлением: *«Ничего красивее русского леса в инее на свете не существует»*.

Из русского пищевого рациона труднее всего осваивались: соленые помидоры, грибы (в любом виде) и — особенно — селёдка. И что казалось примечательным: освоение новой пищи теснейшим образом коррелировало с успехами в освоении русского языка. Эта примечательность была известна даже членам Ученого Совета. Озабоченные уровнем владения языком будущей диссертации, члены Совета при утверждении темы деликатно осведомлялись у аспиранта-иностранца о его житейских навыках. Все сомнения по поводу языка рассеялись, когда один из наших аспирантов с полной натуральностью — и даже с какой-то российской ленцой — ответил Ученому Совету:

«А чо? Хорошо — картошечка с селёдочкой...».

Африканские культуры, как и все культуры вообще, имеют, разумеется, свои разработанные системы этикета; разумеется также, что вхождение в новую среду требовало от африканцев усвоения местных деталей поведенческого и речевого этикета, с чем они вполне успешно справлялись. Как-то однажды Наталия Вениаминовна пришла из своего кабинета в нашу «общую» ком-

нату, где сидели начинающие аспиранты в ожидании своей очереди на консультацию. С характерной для нее прямоотой, Наталия Вениаминовна отчитала их, указав, что приличия требуют, во-первых, снимать в помещении головной убор и, во-вторых — вставать, приветствуя вошедшую женщину. Эффект не замедлил последовать и даже превзошел ожидания. Когда спустя несколько дней Наталия Вениаминовна вновь вошла к нам, аспирант — из числа тех, кого отчитывали, — не только приветствовал ее стоя (и на нем, конечно, не было его африканской ермолки), но еще и адресовал ей достаточно изощренную и непривычную в устах иностранца этикетную формулу:

«Соблаговолите присесть!»

Наши африканские коллеги-ученики были филологами, в большинстве своем русистами по до-аспирантскому образованию, и не приходится удивляться тому, что один из них был поклонником «Мастера и Маргариты», другой — приверженцем поэзии Серебряного века... Но если говорить о выходцах из Африки вообще, никого лично не выделяя, надо признать, что в целом они отличались быстрым накоплением потенциала в освоении нового языка. Еще бы: ведь они, выросшие в полиэтничной среде (а такова ситуация в аф-

В дни конференции 1987 г.: Усман Ка, Ба Диаките, Бори Траоре, А. И. Коваль, Э. Илиева (африканистка из Болгарии), друг Африки Виктор Сисоко-Чинников, Адама Конате, В. Я. Порхомовский, Н. В. Охотина

риканских городах), уже с детства владели техникой многократного переключения кодов. Многие из них были едва ли не полиглотами. Каждый, как правило, владел не только своим родным языком, но также и местным языком-посредником и европейским языком, многие прошли еще обучение второму европейскому и арабскому языкам. Русский, таким образом, становился пятым, шестым, а иногда и седьмым языком аспиранта...

Но, при всей языковой одаренности африканцев, самые первые их опыты письма по-русски в жанре научной прозы проходили, конечно, негладко. Начинающие аспиранты, ища спасения, обильно оснащались переводными словарями. Лингвистам, однако, хорошо известно коварство словарей, особенно двуязычных: излишне передоверяясь им, можно получить и вполне комический результат (все помнят пресловутый словарь с русского на один из африканских языков, где на входе были слова типа *антиимпериализм*, но не было слова *антилопа*). В нашей среде был и остался притчей случай, когда начинающий диссертант, нуждавшийся в переводе на русский того слова, которое в его родном языке обозначает вполне заурядную реалию — *глиняный жбан для воды*, — подобрал следующий эквивалент: *'канарейка для купания'*. Злую шутку с ним сыграл старый добрый ганшинский словарь (в словаре В. Г. Гака ситуация исправлена — при слове *canari* уже присутствует надлежащий эквивалент).

Неудивительно, что нашим будущим ученым приходилось по многу раз переписывать свои опусы, испещренные правкой руководителя.

В анналах сектора как элитный реликт хранится фрагмент из начальных опытов письма в научной прозе, принадлежащий перу одного из аспирантов Виктора Алексеевича. Вот этот фрагмент:

В языке сосо говоримая спочка следует общую и конвенционную конфигурацию, так что разницы нужных высот, чтобы обеспечивать внятности информации, соответствуют оптимальным скачкам.

Нужно быть Виктором Алексеевичем и иметь его проницательность, чтобы в этом загадочном тексте усмотреть обеспеченную внятности информацию — чтобы не только распознать в графической последовательности *спочка* — «цепочку», но более того — чтобы оценить весь данный фрагмент как несущий точную и адекватную мысль в авторском текстуальном оформлении.

...Когда-то давно Юнус Дешериевич определил нашу деятельность как *«полевую работу на веранде»* (имелось в виду то обстоятельство, что в старом здании Института африканский сектор располагался на бывшей веранде, служившей в хозяйстве у князей Трубецких местом для сушки белья). Как дружественная шутка это неплохо. Но нам, африканистам, ближе методологический тезис одного из известнейших африканистов (причем, долговременно жившего в Африке!), который написал: «Ничего не может быть лучше, чем на несколько лет засесть с хорошо обученным носителем языка».